

АЛЛА БУДНИЦКАЯ: «ПЫРЬЕВ ЗАПРЕТИЛ СНИМАТЬ МЕНЯ В КИНО»

Тот август выдался необыкновенно жарким. Я с подружкой возвращалась с дачи в прекрасном настроении: в машине одуряюще пахло полевыми цветами, мы весело шутили и без конца смеялись. Вдруг Мика, посерьезнев, сказала: «Булка, если со мной что-нибудь случится, не оставляй Дашку!»

ва «Будденброки» мы были партнершами.

Трагедия произошла 7 ноября 78-го года в Орджоникидзе. Вся съемочная группа отправилась в город, и Мика осталась одна в неотапливаемом домике, где жили киношники. Она устала, решила прилечь, а чтобы согреться, включила осветительные приборы — маленький и большой прожекторы — и заснула, укрывшись с головой одеялом. Ночью одеяло сползло на раскаленную лампу и загорелось. Отравившись во сне угарным газом, Мика не смогла спастись — у нее сильно обгорели ноги. Когда открыли дверь и ее обнаружили, огонь от сквозняка перекинулся дальше... Микаэлу срочно отправили в Москву, Вадим Семенович подключил всех знакомых врачей, но все тщетно — Мика умерла в страшных мучениях...

С Дроздовской мы служили в Театре киноактера. Как-то после репетиции «Варваров» вышли вместе, и она очень просто предложила: «Поехали ко мне». Вот как я вошла в дом Микаэлы, так и осталась там на пятнадцать лет! Когда у Мики родилась младшая Дашка, я стала ее крестной мамой. (Старшую дочь Нику крестили Уля и Вика Федорова.) Своих детей у меня не было, и я часто брала маленькую Дашку к себе. Иногда об этом просила Мика: «Булка, Дашку заберешь?» Словно предчувствуя беду, Микаэла все время заставляла Дашку называть меня мамой: «Это мама! Повтори!» Даша собиралась в первый класс, когда случилась беда. Едва увидев меня, она бросилась мне на шею и прошептала: «У меня умерла мама. Теперь ты будешь моей мамой, правда?!»

Случилась эта чудовищная трагедия и все в доме Микаэлы в одночасье рухнуло: Вадим растерялся и не смог сохранить семью. Нику взяла к себе Микина подруга, сценаристка Соня Давыдова, а Дашку отправили учиться на пятидневку. Вскоре в доме Вадима появилась другая женщина, что было естественным, но, к сожалению, с девочками у нее отношения не сложились. Я решила и забрала Дашку к себе. Так через год после долгих терзаний и сомнений я стала мамой восьмилетней крестницы.

— Но ведь у девочки был родной отец, как же вам удалось ее удочерить?

— Мой муж переживает, что мы до сих пор не удочерили Дашку официально. Ведь кроме нее и ее детей, у нас никого

Тогда эту фразу я пропустила мимо ушей. Да и что может случиться с молодой, полной сил женщиной, которой судьба, кажется, дала все:

муж — известный кардиолог

Смоленский, две крохотные дочурки-красавицы, роскошная квартира напротив Дома кино?! В гостеприимном доме Микаэлы и Вадима Семеновича в любое время можно было застать кого-нибудь из знаменитостей: Ларису Шепитько с Элемом Климовым, итальянских режиссеров — Антониони и Тонино Гуэрру... Кстати, именно здесь Люда Максакова познакомилась со своим мужем Петром Игенбергсом, немецким предпринима-

телем. Мы все его звали просто — Уля. Мика бьла так щедрa на любовь, что в ее доме находилось место всем: детям, взрослым, зверушкам. Удивительно, но собаки у нее уживались с кошками, рыжая лиса — с раненой птицей, которую однажды откуда-то притащила хозяйка.

«Бред какой-то!» — постаралась я побыстрее забыть те странные слова подруги. Вспомнить о них мне пришлось, увы, через несколько месяцев, когда с моей подругой на съемках произошел несчастный случай. К тому времени Микаэла Дроздовская была известной актрисой и успела сняться в фильмах «Добровольцы», «Семь нянек», «Бег», «Агония», в картине моего мужа Александра Орло-

нет. Уже взрослой женщиной она как-то написала мне письмо, в котором благодарит за все, что я для нее сделала. А я ничего особенного и не делала: просто растила ее как родную дочь. Конечно, не обошлось без трудностей, слез и проблем, как у всех с детьми. Часто мне снилась Мика, и во сне я с облегчением ей говорила: «Слава Богу, ты жива и забереешь Дашку!» «Нет, — отвечала подруга. — Ты справишься, Булка!»

От этого шага — взять на себя ответственность за судьбу малышки — меня отговаривали все, даже мама. Но я решилась, пришла к Вадиму и сказала: «Я забираю Дашу! Не бойся, я не претендую на роль матери, просто твоя дочь ко мне привыкла. Мне ничего не надо: ни официального удочерения, ни денег». После этого разговора у нас с Вадимом произошел разрыв. Настолько сильный, что Даша его долгое время не видела. Слава Богу, теперь они общаются, Вадим ездит к внукам. И инициатором восстановления отношений с папой была именно Даша. Ника все никак не могла его простить, младшая первая протянула руку.

Даша продолжала любить отца, хотя и молчала об этом. Однажды я случайно узнала ее тайну. Надо сказать, что на истории этой семьи хотели нагреть руки многие журналисты. В одной газете даже опубликовали гневное письмо, в котором Вадима Семеновича позорили, стыдили, призывали общественность наказать профессора, бросившего детей.

После какой-то школьной провинности я часто с инспекцией заглядывала в Дашкин портфель. И однажды среди тетрадок нашла незапечатанное письмо, написанное ее рукой. На конверте стоял адрес: «Литературная газета», главному редактору Чуковскому. «Как вам не стыдно! — крупным детским почерком выводила Даша. — Зачем вы позорите моего папу? Он честный человек и спас столько жизней!» Я ничего не сказала ей о находке. И, насколько знаю, письмо она отравила.

— А что за школьная провинность?

— Как-то вызвал меня директор школы и, плотно прикрыв дверь, молча протянул тетрадку, испещренную матерными выражениями. Узнав среди каракулей и Дашкины, я побелела: «Не может быть! У нас в доме никто никогда не ругался!» Но то, что я сказала, придя в себя, крайне удивило бывалого педагога: «Умоляю, не

говори Даше, что показали мне эти тетради! Ей будет неловко». Даша тем временем ждала меня у директорской двери и тряслась от страха как осиновый лист. Я вышла, улыбнулась и сказала: «Пошли домой». Дашка, вложив ладошку в мою

руку, внимательно посмотрела в глаза. Спустя много лет она напомнила мне эту историю: «Я так тебе благодарна! Ведь я тогда поняла, что ты все знаешь». У нас не было тайн друг от друга, я старалась быть честной. Правда, однажды она ме-

Даша, едва увидев меня, бросилась мне на шею и прошептала: «У меня умерла мама. Теперь ты будешь моей мамой, правда?!»

Фотограф, усадив меня на стол, сделал снимок «будущей фрейды кинозвезды»

ня поймала на лжи. Мы с подругой Лией Ахеджаковой (это было время тотального дефицита и продовольственных карточек) приобрели самогонный аппарат и гнали сорокаградусный напиток из томатной пасты. Чтобы соседи не унюхали запаха и не настучали, открывали настежь окна моей квартиры на девятнадцатом этаже. Как опытные самогонщицы, мы сначала очищали первач активированным углем, настаивали на березовых почках, а потом делали из него вкусные наливки. Аппарат, собранный на авиационном заводе, мы любовно называли «серебряное платище». Это «платище», как переходящее красное знамя, передавалось из рук в руки среди друзей. Для переноса аппарата имелась даже специальная хозяйственная сумка. Нам звонили и произносили пароль: «Серебряное платище свободно?» — «Свободно». И «платище» перекочевывало, кстати, к очень известным людям, которые, закрыв шторы, гнали самогонку. Если вдруг что-то в механизме разлаживалось, даже в час ночи мог раздаться звонок и озабоченный голос спрашивал: «Алка, что-то у меня красная оборочка пошла» (значит, вместо самогона вдруг полилась паста). Я тут же давала профессиональный совет: «Строчи медленнее», то есть «Убавь огонь»... Однажды маленькая Даша, которая вертелась под ногами, заинтересовалась бульканьем в трубочках и спросила: «Мам, а что ты делаешь?» — «Дистиллированную воду, а что?» Даша промолчала. Спустя время я на нее за что-то прикрикнула: «Зачем ты мне врешь?», а она в ответ зарыдала: «А самото! Я знаю, вы с тетей Лилей водочку делаете, а никакую не воду, а-а-а!»

Сейчас Даша замужем за Сашей Алейниковым, телеведущим и продюсером, они растят наших внуков-наследников, которых, как и родителей, зовут Саша и Даша.

— С вашими кулинарными талантами вы не мечтали стать поваром?

— В своих мечтаниях я была неоригинальна: «Артисткой, и точка!» Наверное, мне повезло больше, чем другим послевоенным девчонкам — все-таки два года прожила в Германии. И когда вернулась нарядной воображалой, моим чудоплятьям завидовала вся школа. Ну а от желания наряжаться, мне казалось, всего один шаг до большой артистки!

Мои родители разошлись, и я с мамой (она работала в СВАГе — Советской военной администрации Германии) уехала в Берлин. В особняке, администратором которого и была мама, обслуживались оставшиеся после войны в Германии маршалы: Соколовский, Жуков... Когда они приходили обедать, я как раз возвращалась из школы и крутилась под ногами у взрослых, вызывая умиление: «Какая Аллочка кудрявая, светленькая!» Став всеобщей любимицей, я пересидела на коленях у всех советских военачальников. Как я обычно шучу — «прошлась по рукам маршалов!»

Помню, на берегу Рейна устраивались большие контрольные советы, где встречались победившие Германию союзники. Специально к этому дню мама с женами военных обязательно заказывали нарядные платья из панбархата с острыми плечиками. Меня оставить было не с кем, поэтому брали с собой. А чтобы ребенок не попался на глаза начальству, во время банкета было велено тихонько, как мышка, сидеть под столом. Сквозь дырочку в скатерти я разглядывала наряды, меха и туфли на высоких каблуках незнакомых красавиц и мечтала о том, что, когда вырасту, буду красить губы и носить длинные платья. Часа через два меня из-под стола доставали и, уставшую, укладывали где-нибудь в раздевалке, где я сладко засыпала под звуки вальса. Однажды после очередного совета я отправилась через дорогу к фотографу-немцу с маминым вечерним платьем. В ателье распустила волосы, как взрослая, а фотограф, посадив меня на стол, чтобы не запуталась в длинном подоле, сделал снимок «будущей фрау кинозвезды».

В десятом классе в нашу школу пришли ассистенты «Мосфильма» и неожиданно пригласили меня в массовку картины «Аггестат зрелости». Главную роль играл Вася Лановой, такой необыкновенно красивый, что я немедленно влюбилась. Забавно, что теперь с героем моих девичьих грез мы соседи по даче, ходим друг к другу в гости и чаевничаем на веранде, как помещики. Как-то я не удержалась и призналась в своем детском увлечении. Вася смеялся до слез.

В Щукинское я провалилась (Рубен Симонов сказал: «Девочка, приходи на следующий год») и поступила в Иняз, но меня продолжали приглашать на съемки. Даже утвердили на роль Маруси в фильм «Хождение по мукам», правда, ее сыграть мне не довелось. В общем, кино не отпускало, и я, забросив испанский и немецкий языки, отправилась во ВГИК.

Сразу же после окончания института благодаря нашему педагогу Александру Румневу и с легкой руки Ивана Пырьева из студентов двух курсов был создан театр пантомимы. Игорь Ясулович, Валера Носик, Людмила Марченко — словом, в этом театре играли лучшие силы нашего института. Иван Александрович пригрезил нас в Союзе кинематографистов, где в Белом зале мы репетировали, а играли на сцене Театра киноактера. Успех был огромный! На спектаклях перебивала вся Москва, приходил даже известный мим Марсель Марсо. Нам в институте так хорошо преподавали пантомиму, что мы стали профессионалами высшего класса. Кстати, на голове я стою до сих пор!

— **Наверняка недостатка в кавалерах у вас не было. Почему же вы так рано вышли замуж?**

— Во ВГИКе у меня и впрямь была масса поклонников, да и с Иняза их шлейф тянулся, но когда на горизонте появился Саша Орлов, мой однокурсник, как-то все

те у одной соседки, у другой — танцевали, угощение гостям готовили всей квартирой на общей кухне. Мама, перегородив большим шкафом комнату, выделила нам с Сашей роскошный «угол».

К нам на обеды повадился бегать весь курс. Я варила огромную кастрюлю супа-харчо или макарон с сардельками, и мы под бутылку вина весело проводили время. Потом мы съехались с маминной сестрой, получив в проезде Художественного театра три комнаты в коммуналке — для нас невероятные хоромы! В одной, крохотной, жила тетя, мы с Сашей спали в отдельной комнате, а мама — в проходной, да еще и без окон. От этого она очень страдала: обеденный стол стоял в ее комнате, гости засиживались допоздна, и маме все никак не удавалось лечь спать до утра.

Однажды произошел очень смешной случай. Мама куда-то уехала, и у нас остался ночевать приехавший из Ленинграда режиссер Илюша Авербах. Ночью

Как опытные самогонщицы, мы очищали первач, настаивали на березовых почках, а потом делали из него вкусные наливки

сразу определилось. Он жил в общежитии, после занятий провожал меня домой, частенько, не успевая на метро, ночевал на широких подоконниках гостиницы «Москва». Платонический роман у нас начался на целине, куда мы отправились всем курсом. А сразу после этого Саша уехал на каникулы к родителям в Каменск-Уральский. Вернулся в начале третьего курса и прямо с вокзала явился ко мне с купленной у бабули зеленой восковой розой на медной проволоке. Кстати, эта чудовищная роза чуть не разрушила наше будущее, но свадьба все же состоялась. Гуляли в нашей с мамой коммуналке на Пироговке, где соседи жили одной большой семьей. (Вместе завтракали, стараясь из скудного рациона — селедка, картошка и макароны — выдумать что-нибудь вкусенькое. Каждый вечер в нашей тринадцатиметровой комнатке перед телевизором с линзой ставились в два ряда стулья и вся квартира чинно смотрела передачи с любимыми дикторшами Валечкой и Анечкой. В ванной — одной на две квартиры — как в холодильнике, на цементном полу стояли в ряд кастрюли с едой.) Свадебный стол накрыли в комна-

те с Сашей вскочили от громкого стука. Вбжав в мамину комнату и включив свет, с трудом нашли бледного от страха Илюшу... в платяном шкафу. Оказываешься, ночью в поисках туалета он забрел в шкаф и закрыл за собой дверь. В ужасе, что его замуровали, стал что есть силы колотить в стенки. Его «подвиг» увековечил в стихах Толя Найман: «В стену бьет Авербах, умирая от страха, на могучих плечах намокает рубаха...»

— **Ваш курс опекал Иван Пырьев, директор «Мосфильма». Это хороший старт для начала карьеры...**

— В студенческую пору сниматься в кино нас не пускали. Помню, был громкий скандал с Володей Ивашовым, который второкурсником снялся в «Балладе о солдате», — его отчислили с нашего курса. Володя перешел на курс ниже, роммовский, где и познакомился со своей будущей женой Светланой Светличной. У нас снималась только Люда Марченко, поскольку была на особом положении — в ее жизни появился Иван Александрович Пырьев... Очарованный ангельской внешностью молоденькой студентки, он пригласил Люду в фильм «Белые ночи».

Кстати, очень хорошо помню первый визит в квартиру мэтра — в высотку на Котельнической набережной. Сын Ладьиной и Пырьева Андрюша, с которым мы учились на первом курсе, справлял день рождения. В дверях нас встретила необыкновенно элегантная Марина Алексеевна. Перезнакомившись со всеми, она проводила нас в зал с роскошно накрытым столом в центре. Это был 57-й год, и нас, обитателей общаг и коммуналок, поразило все: и огромная четырехкомнатная квартира с видом на

своей возлюбленной квартиру и вскоре переехал к ней.

Так получилось, что я дружила с Людой и благодаря ей несколько лет тесно общалась с Пырьевым. Конечно, по сравнению с другими однокурсниками мы с мужем оказались в привилегированном положении: кто еще из студентов мог попасть на закрытые просмотры или побывать в Доме отдыха кинематографистов? Как-то, помню, я, Саша, Пырьев и Люда приехали на персональной машине в Болшево, где нас поселили в отдель-

Мы с Сашей вскочили от громкого стука. Вбежав в мамину комнату, нашли бледного от страха Илюшу... в платяном шкафу

Кремль, и продукты, которые мы, выросшие на сосисках с макаронами, видом не видывали. Конечно, все с жадностью тут же накинулись на икру, и вдруг раздался свистящий шепот однокурсницы: «Вы что! Это неприлично!» Любопытно, но позже эта строгая девушка вышла замуж за Андрюшу Ладьинова. Когда родители именинника, посидев с нами, тактично удалились, все деликатесы мгновенно смели со стола. Не помню, была ли на этом вечере Люся Марченко, но очень скоро о романе Пырьева с однокурсницей его сына узнали все. Пырьев купил

ном коттедже, тогда как остальные кинодеятели, заслуженные и именитые, жили в номерах корпуса. Представляю, сколько сплетен о нас ходило! Но я не обращала внимания, наверное, потому, что была слишком молода. Или потому, что благодаря этому обстоятельству мне посчастливилось познакомиться со знаменитыми людьми. Представляете, вечером в большом зале Дома отдыха поет Галич, а по аллее гуляют живые классики кино — Райзман и Юткевич!

О том, что наша компания вызывает приступы зависти у коллег, я поняла поз-

же. Как-то мне передали, что за нашими спинами шепчутся: «Конечно, они-то будут сниматься! Еще бы, подружки Пырьева!» Когда Бондарчук приступил к съемкам «Войны и мира», все вокруг были уверены, что Пырьев нас протезирует: «Марченко, конечно, утверждают на Наташу, а Будницкую — на Сою». Но мы с Сашей этим покровительством никогда не пользовались.

Как-то Люда уехала в Таллин сниматься в картине «Мой старший брат». Мы с Сашей ездили к ней на съемки и, как ее близкие друзья, жили в старинной гостинице «Палас». Конечно, Иван Александрович хотел, чтобы мы постоянно находились рядом с Людой, опекали ее.

— Похоже, Пырьев отвел вам роль дуэньки...

— Наверное, я об этом как-то не задумывалась. Во всяком случае, этой ролью не тяготилась. Когда мы приехали в Таллин, Люды еще не было. Иван Александрович, захватив меня в качестве советчицы, отправился в магазин покупать подарки — редкие в то время вещи: замшевую курточку, какую-то необыкновенную юбку, туфли, сумку. Когда Люда вошла в номер, все это было любовно разложено на ее кровати. Довольный Иван Александрович сидел в кресле и наблюдал, как Людмила, ахая от восторга, бега-ет по номеру и примеряет свое богатство. Она его, безусловно, любила. Но Пырьев, естественно, понимал, что при такой огромной разнице в возрасте (более тридцати лет!) за Людой нужен глаз да глаз. К тому же на съемках в Таллине собралась теплая компания красивых мужчин: автор сценария Вася Аксенов, актеры Олег Даль, Андрюша Миронов и Саша Збруев. Естественно, Пырьеву хотелось уберечь Марченко от соблазнов! Кстати, Андрюша Миронов был самый затюканный из всех: эдакий толстенный увалень. Позже, когда мы встретились на съемках фильма «Семейное счастье», Андрея было уже не узнать — столько блеска в нем появилось! А тогда в дамском обществе скорее блистал Алик Даль — утонченный шеголь в белых обтягивающих джинсах. Когда в одной компании собирались Алик, Андрюша и Вася, соперничества между ними не было, зато остроумные шутки и смешные выпады лились рекой.

В Таллине мы окунулись в необыкновенную заграничную жизнь! Во время

ужина в ресторане гостиницы играл оркестр, и мы танцевали модный твист. Днем обходили комиссионные магазины, в которых можно было купить импортные свитерки или курточки. Конечно, на съемочной площадке крутились романы, к нашим плейбоям на свидания инкогнито приезжали московские дамы! Да-а, много женских сердец было разбито в то время! Меня спасло только то, что я была верной женой.

Хотя и я, признаться, влюбилась! Както в Таллин приехал приятель Аксенова

Толя Найман. В этого красавца невозможно было не влюбиться — вылитый Грегори Пек! Что, признаться, со мной и произошло. Но поскольку я только что вышла замуж за Сашу, влюбленность была абсолютно платонической. Толя, угадав мои чувства, написал мне очень милую открытку. Мы до сих пор дружим с ним, его женой Галей и дочкой Аней (Толя женился на жене своего товарища — поэта Жени Рейна), первыми читаем его пьесы и книги. Ездим к ним в Петербург. Однажды, ночуя у нас, Толя посвятил оду

раскладушке: «... Вот еще мадригал тесно тебе раскладушек, теплоте покрывал, нежным ласкам подушек!» И действительно, в нашей коммуналке на антресолях хранилось много раскладушек, которые чуть ли не каждый день гостеприимно выстраивались в ряд к приезду гостей. Сашины однокашники, его родители, тети, дяди, племянники часто гостили у нас. Иногда заезжали и незнакомые люди. Скажем, раздастся звонок в дверь. Заходит человек с чемоданом: «Здравствуйте! Я из Каменск-Уральского», надева-

Со Смоктуновским в фильме «Гобсек»

В фильме «Семейное счастье» Андрей Миронов сыграл моего мужа, а муж — любовника

ет тапочки и проходит в комнату. Земляк мужа, как не приветить! Как-то Толя привез с собой в Москву Иосифа Бродского. Найман и Бродский читали у нас свои новые стихи приглашенным московским друзьям. Я между готовкой и накрыванием стола умудрялась записы-

— А чем все-таки закончилась история любви Марченко и Пырьева? Многие вспоминают вспыльчивость и даже жестокость Ивана Александровича. Это правда?

— Конечно, его осуждали за то, что он оставил Марину Алексеевну, которая по-

ки». Иногда Ладынина приезжала ко мне в ресторан пообедать, поговорить. Это в ту пору, когда мне четыре года пришлось быть хозяйкой ресторана. Мы о многом беседовали, в том числе и об их разводе с Пырьевым. Одно могу сказать — она очень переживала этот разрыв...

Надо отметить, что Пырьев, несмотря ни на что, был человеком необыкновенной души и много делал добра людям, чему я была свидетелем. К тому же Иван Александрович был талантливым организатором — в его время в кинематографе все процветало. Он был одним из создателей Союза кинематографистов и «Мосфильма». Недавно прочитала книгу Смоктуновского, в которой Иннокентий Михайлович вспоминает, как однажды Пырьев помог ему, провинциальному актеру. В ту пору, когда Смоктуновский скитался по Москве в поисках работы и спал в подъездах, кто-то посоветовал ему обратиться за помощью к Пырьеву. Смоктуновский произвел на режиссера хорошее впечат-

Пырьев был человеком бескомпромиссным: «Кто не со мной, тот против меня!» — и в кино на нас с Людой наложили запрет

вать их за ними в тетрадку. Недавно нашла эту клеенчатую тетрадочку 60-х годов, куда попеременно записывала строчки Бродского и Наймана. И поначалу путалась: чьи это стихи — Иосифа или Толины? Теперь-то, конечно, помню их наизусть. ... Фантастическое было время!

сле развода так больше и не вышла замуж. Кстати, судьбе было угодно, чтобы Марина Алексеевна стала мне близким человеком. Она работала в нашем Театре киноактера, мы вместе играли на сцене и подружились. Именно я советовала ей, какой наряд надеть на церемонию «Ни-

В фильме «Женщина, которая поет» я сыграла подругу героини Аллы Пугачевой

ление, и тот написал рекомендательное письмо директору Театра киноактера, который уже устал указывать настырному провинциалу на дверь. При виде надоевшего просителя у чиновника вытянулось лицо. Иннокентий Михайлович молча протянул письмо. «От кого это?» — «От дяди Вани». — «От какого еще дяди Вани?! Вы что мне голову морочите?» Директор вскрывает письмо и багровеет — в нем Пырьев настоятельно рекомендует принять актера Смоктуновского на работу. Естественно, тот не посмел послушаться, но долгое время мучился вопросом: «Почему «дядя Ваня»? Родственник этот малахольный Пырьеву или нет?»

— А разве Пырьев не сыграл роль злого гения в судьбе вашей подруги?

— Полагаю, ничего плохого Люде он не сделал. Пырьев был ей верен и очень предан, оставил ради нее жену и сына. Но как только Марченко позволила себе

отступление, не потерпел этого. И не потому, что Иван Пырьев, а потому, что настоящий мужчина! Он по-джентльменски оставил ей квартиру и если что-то наговорил, то сделал это исключительно сторяча. Он слишком любил ее. Когда они разошлись, мы с мужем, естественно, остались с Людой.

И тут же последовали репрессии. Я давно простила и не сержусь, хорошо понимая Ивана Александровича. Но у меня такой принцип: мужа и любовники меняются, я же всегда остаюсь с подругой. При этом не скрываю, если продолжаю общаться с симпатичным мне ее бывшим мужем. Почему нет? Но Иван Александрович был человеком бескомпромиссным: «Кто не со мной, тот против меня!», и в кино на нас с Людой наложили запрет. Меня как раз утверждали на роль в фильме с Зоей Федоровой, когда Пырьев предупредил: «Алла, «Мосфильма» тебе не

видать!» Действительно, я еще не приступила к работе, как картину закрыли. Пострадал и Эдик Абалов, который готовился снимать свой первый фильм, и все актеры, утвержденные на роли.

— Быть может, Пырьев думал, что вы покрываете подругу?

— Безусловно, я была в курсе ее нового увлечения — ее избранник работал в МИДе. Парень он был очень избалованный, их роман длился недолго. Я пыталась ее отговорить, но все бесполезно. Люда шалая была девка! Но честная. Не стала скрывать от Пырьева своего романа, врать, юлить — все прямо и выложила. Потом у нее было несколько браков... А погубило Люду пристрастие к алкоголю. Жалко, ведь чистойшим и наивным существом была! В ее широко распахнутые миру глаза невозможно было смотреть без восторга — вылитый ангел! Но жизнь кого хочешь ломает...

А позже вы с Пырьевым помирились?

— Нет. БЫЛЫХ теплых отношений вернуть так и не удалось. Но когда Иван Александрович умер и я пришла с ним попрощаться, вдруг вспомнила, как он однажды, сделал страшное лицо, замогильным шепотом завыл: «Алка, когда я умру, ты ко мне подойдешь? Я буду лежать в гробу такой стра-а-шный!» Я посмотрела на него, утопающего в венках, сказав про себя: «Совсем не страшный», и заплакала.

— Когда же с вас сняли запрет и вы стали сниматься?

— Я много работала в театре пантомимы, мы колесили со спектаклями по всей стране, поэтому сниматься было некогда. Кстати, в нашем театре служил такой артист Валерий Носик. Он-то как раз успевал постоянно ездить на съемки, а как-то неожиданно исчез, и его тут же заменили и уволили. К Носику на гастроли по черноморским курортам приезжала жена Лия Ахеджакова, актриса ТЮЗа. При встрече мы только здоровались, а подружались уже на съемках фильма «Гараж» Рязанова. Но об этом позже.

Когда мы стали играть при Театре киноактера, то даже обязаны были сниматься: нам за это платили ставку. Каждый день я с трудом дозванивалась на «Мосфильм» (кроме меня, туда пробивалось двести человек, состоявших в штате киностудии!): «Алло-алло! Это Будницкая!» «Так, — в ответ тараторил голос диспетчерши, — завтра в восемь утра на «Мосфильм», картина такая-то». Обычно это были эпизодики, массовка, озвучание фильма или «гур-гур». «Гур-гуром» мы называли озвучку закадровой жизни. Например, на первом плане герои выясняют отношения, а на заднем идет своя жизнь: кто-то смеется, кричит, разговаривает. Вот мы и озвучивали этот фон известной фразой, которую произносили очень быстро: «А что говорить, если нечего говорить». Вот и получался «гур-гур».

Сниматься довольно плотно я стала в 70-е годы. Успех пришел ко мне после телеспектакля объединения «Литдрама» по классической литературе. Спектакль «Будденброки» по Томасу Манну, режиссером которого был мой муж, сделал меня известной. Моими партнерами были два Вали — Никулин и Гафт. «Виндзорские проказницы» подарили встречу с Михаилом Жаровым. А «Тайна Эдвина Друда» по Диккенсу — с великолепными актерами Плятом, Леонтьевым и Гафтом — считается классикой! В основном я играла иностранок или дам благородных кровей — так повелось, что меня ча-

ще приглашали в фильмах костюмные и исторические. Особенно я любила Одесскую киностудию, где снималась месяцами — в год по две-три картины. В фильме «Долгий путь в лабиринте» я, жена белогвардейца — Толи Ромашина, пела романс: «Ставки сделаны, господа!»

— Кстати, интересно, ваша семья не попадала на язычок автора язвительных эпиграмм Гафта?

— Друзьям Валя пишет только хорошее. В нашей жизни он появился давно: еще в 60-е годы снимался вместе с Орловым в фильме «Мы русский народ». Они с мужем играли солдат, сидящих в окопе. Там, в окопе, и подружился. Саша, приезжая со съемок, в полном восторге рассказывал о необыкновенном «Гафтенке»: «Гафтенок — это чудо!» А Валя при встрече любовно называл мужа Сашулей. Есть стихи Гафта, посвященные тому периоду: «Снимались мы тогда с тобою в «Народе русском»: Гафт — Орлов. Уж так устроено судьбою, что нет России без жидов... И в нашей жизни быстротечной, где мало кто чем дорожит, останемся чистосердечно: ты — русский, а я — твой вечный жид». На недавнем юбилее Орлова, праздновавшемся у нас на даче, Валя сочинил моему Саше панегирик. Этой дружбе много лет...

Выходит Пугачева и, глядя прямо на нас, поет: «Не отрекаются любя, ведь жизнь кончается не завтра...»

Валя в ту пору жил неподалеку от нас в большой коммуналке и был женат на одной из первых манекенщиц Москвы Алене Изоргиной. Мы встречались семьями, гуляли по вечерней Москве со своими собаками — веселыми фокстерьерами. Красавица Алена, блиставшая на подиуме Кузнецкого моста, меня, знатока кухни, как-то потрясла необыкновенной селедкой под шубой. Интересно, что и с нынешней женой Гафта Олей Остроумовой мы подружились, причем раньше, чем они с Валей поженились, — на съемках рязановского «Гаража»... Вот что творит судьба!

— Говорят, вы были дружны и с Пугачевой?

— Мы знакомы очень давно, дружба же началась со съемок на телевидении. Алла тогда только стала работать на эстраде. В фильмах моего мужа — «Удивительный мальчик» и «Стоянка поезда —

две минуты» она с удовольствием пела за всех персонажей. С подачи Саши Алла спела в фильме «Король-олень» за Валю Малявину.

Мы уже жили с Сашей на Кутузовском проспекте, в кооперативном доме, и Алла часто приезжала в гости, иногда прямо с утра, и мы вместе садились завтракать. Она довольно быстро вошла в нашу теплую компанию: мы с Сашей и Витя Суходрев (дипломат, в ту пору переводчик Хрущева и Брежнева) с женой, моей подружкой Ингой, дочкой знаменитой актрисы Татьяны Окуневской.

У Вити, к которому мы часто ходили в гости, были редкие в ту пору японские магнитофоны, к тому же он привозил из Нью-Йорка музыкальные новинки — их еще ни у кого в Союзе не было. Мы слушали записи, а потом Алла, сопровождая себя на рояле, что-то обязательно записывала Вите на магнитофон. Так что Суходрев — обладатель уникальной коллекции записей Пугачевой. Правда, Алла его предупредила: «Чтобы никаких изданий!» и постучала пальчиком по столу. Кстати, именно у Вити она исполнила первые песни «начинающего автора Бориса Горбоноса», которому, по ее словам, помогала пробиться. Интересно, что когда муж

задумал фильм «Женщина, которая поет» с Пугачевой в главной роли, песни автора Горбоноса, так и не расшифрованные, стояли в титрах. Только спустя время Пугачева призналась в авторстве...

Вы знаете, до сих пор, встречаясь с четой Суходревых, мы поднимаем первый тост за здоровье Аллы.

— Интересно почему?

— Однажды у нас с Витей и Ингой случился драматический разрыв в несколько лет. Уже не важно, почему и кто был виноват, но мы все страшно переживали ссору. Однако никто не хотел сделать первый шаг к примирению. И вот как-то в январе Алла приглашает нас с Орловым на концерт. «Приходите обязательно! Будут ждатель!» — несколько раз настойчиво повторила она. Входим с Сашей в фойе Театра эстрады и сталкиваемся нос к носу... с четой Суходревых. Сердце у меня бешено забилось (кстати, как потом при-

— Какой тогда была Алла Борисовна?

— Я из огромного числа знаменитостей, часто бывавших у нас, Аллу не выделяла бы: она была такой же, как все, даже, можно сказать, стеснительной и зажатой! Как-то, помню, приехала к нам с бутылочкой сухого вина: «У меня сегодня день рождения». Мы, конечно, тут же стали метать на стол из холодильника продукты — все было просто, по-дружески. Наверное, ей было одиноко, коли в такой день не с кем посидеть. На один из Сашиных дней рождения у нас собралось много гостей. Пришли старые друзья: Лия Ахеджакова, Валя Гафт, художник Ромадин и танцор Шубарин. Алла припозднилась и, когда вошла в квартиру, так смутилась, что выбежала на балкон. «Алка, ты что! Куда ты?» — «Да ну, у тебя тут столько знаменитостей. Я лучше здесь побуду». Да и сейчас в кругу близких друзей она ведет себя просто и такая же, как в прежние времена.

Мне было очень неприятно недавно читать интервью с Галей, вдовой Володи Шубарина. (Помните, он в фильме «Женщина, которая поет» танцует и поет: «О любви не говори, о ней все сказано»?) Володя умер недавно, в это время я была в отъезде. Галя говорит с обидой, что вот, мол, Пугачева зазналась и не прислала даже цветов на Володины похороны. Мы с Шубариными не виделись лет пятнадцать, а когда-то жили через дом, очень дружили. Меня задела Галины слова о том, что однажды нас, заявившихся к ней пьяной компанией, она якобы выгнала из дома. Что мы выпили вина при встрече — это естественно, но того, что она выставила нас с мужем и Пугачеву, — этого, простите, быть не могло! Зачем же придумывать!

Нас с Аллой жизнь развела в разные стороны, но когда видимся, радуемся друг другу, как встрече с юностью. Между прочим, ее свадьба с Филиппом Киркоровым справлялась в моем ресторане. Самое смешное, что Алла и не подозревала, что я работаю именно там, ее уже к накрытому столу привез Киркоров. Вот был сюрприз! Сейчас мы встречаемся на каких-то торжествах, концертах друзей или у моего зятя Саша Алейникова — сидим и болтаем о внуках, о диетах, о жизни...

Вспоминаем и мою маму. Алла очень дружила с ней. Мама хорошо шила, и Алла, отправляясь на первый свой конкурс в Сопот, заказала ей наряды. Так что бала-

зналась Инга, они тоже испытали страшное волнение). Мы все, фланируя по фойе, делаем вид, что не замечаем друг друга. «Вот будет смешно, если окажется, что мы сидим рядом», — шепнула я Саше, показывая на два свободных кресла. Ту же фразу, как потом выяснилось, сказал Витя Инге. Через пять минут по проходу к пустым местам стали пробираться наши друзья. Начался концерт. Мы всей компанией сидим в третьем ряду, стараясь не смотреть друг на друга, но уже догадываясь, что Алла специально посадила нас вместе. Выходит Пугачева и, глядя прямо на нас, поет: «Не отрекаются любя, ведь жизнь кончается не завтра...» Мгновенно потекли слезы, и мы все тут же оттаяли. После концерта, заплаканные, вышли вместе. «Вы на машине?» — «Да. А вы?» — «Конечно». — «Поехали!» Так мы помирились и не ссорились уже никогда.

Вот еще один пример того, как волшебная сила искусства может творить чудеса. У нас с Аллой вышел небольшой конфликт на съемках картины «Женщина, которая поет». Пугачева помогала писать сценарий, поэтому имела один из решающих голосов на съемочной площадке. Я играла Аллину подругу, которая уводит у нее мужа. В одном эпизоде мне очень захотелось прочесть стихи Ахматовой — в тот момент я увлеклась ее поэзией. «Это совершенно ни к чему!» — отрезала Алла. «А мне кажется, что здесь это будет к месту», — упрямылась я. Конечно, в итоге она оказалась права, но тогда мне было обидно — эпизод даже снимать не стали. В этот же день у Аллы проходил концерт. Я на него пошла, хотя в душе все еще очень обижалась на подругу. Но как только она запела, я тут же забыла о своей минутной обиде!

хон, ставший после исполнения «Арлекино» визитной карточкой Пугачевой, — мамино произведение. Кстати, знаменитая «размахайка» получилась совершенно случайно. Мама как-то шила мне платье, но не хватило материала на рукава. Недошитый наряд засунули в шкаф и забыли. Когда Алла собралась на конкурс, его достали и скрепили по боковым швам квадратом. Для второй песни «Посидим — поokaем» мама сшила Алле ситцевое платье а-ля рюс. Собирали Аллу на конкурс всем домом: мама вынула из сундука свои розовые атласные босоножки, я вручила конкурсантке кружевную шаль из Валенсии. Из Польши Алла вернулась с наградой, но без босоножек и шали! «Прости, Ал, у меня все украли из машины!» — переживала она пропажу. «Какие пустяки! Главное, ты теперь знаменитая!» — радовалась я за подругу. Кстати, у мамы заказывали платья многие московские модницы. Мой французский дядюшка выписывал мне из Парижа журнал «ЕП», по тем временам — редкость необыкновенная! Я каждый месяц бегала на почту за свежим номером, а вечером сбегались подружки их листать: тыкали пальцем в понравившуюся модель, и мама шила точно такую же. Ее заказчицами были Настя Вергинская, ее сестра Маша и многие другие московские модницы.

— **Оказывается, у вас в Париже родня?**

— Был у нас дальний родственник, дядя, Евгений Николаевич Мальцев, он отступал с белыми на Дальнем Востоке и в итоге оказался в Шанхае. Благодаря красивому голосу он попал в концертную бригаду, а затем и в Русскую оперу в Париже, где пел с Шаляпиным. Сначала дядя приезжал к нам как турист, а когда стали выпускать за рубеж, я сама зачистила в Париж. Вот еще один подарок судьбы! В те годы (1976—1978), когда жизнь казалась совершенно беспроблемной — «железный занавес», пустые полки, торжество дефицита, — вдруг откуда ни возьмись объявляется дядя из Парижа и меняет мою жизнь. Я, счастливица, по два месяца живу в Европе! В Париже отыскала давнюю подругу Музу Туринцеву, которая раньше работала в Союзе кинематографистов. Разве могли мы мечтать, что вновь встретимся? Да еще в Париже! Это было похоже на сказочный сон, если бы не одно неприятное «но»... Во Франции

мы с Сашей среди русской диаспоры считались стукачами, засланными агентами («Так долго живут в Париже! Очень подозрительно!»). К сожалению, и в Москве многие думали абсолютно то же самое.

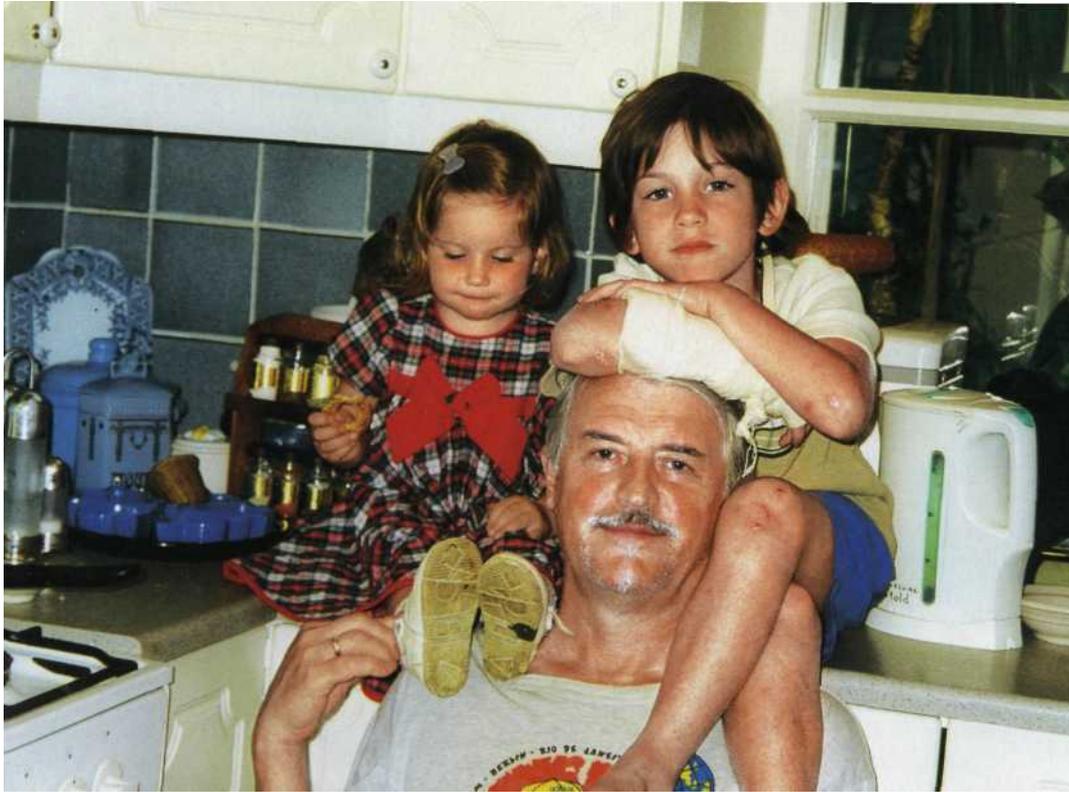
Ну не могла же я каждому доказывать, что не только не агент КГБ, но и долгое время вообще была невъездной! Как-то поехали с делегацией в Финляндию, и в Хельсинки, несмотря на строгое предупреждение держаться всем вместе, я отправилась в кино на «Семейное счастье» (в этой картине получился смешной парадокс: моего мужа играл Андрей Миро-

нов, а любовника — муж, Саша Орлов). Мне было любопытно послушать, как я звучу по-фински. Опоздав на ужин, решила себя побаловать — купила на рынке малины. По тем временам, когда все суточные тратились на вещи, это считали кошунственным поступком. В довершение — а это уже преступление для советского человека! — я пошла в казино нашей гостиницы! И, как это часто бывает с новичками, выиграла. На радостях пригласила подругу в бар, где мы потратили выигрыш на коктейли. А тем временем через стекло из соседнего зала за на-

Алла вернулась с наградой, но без босоножек и шали! «Прости, Ал, у меня все украли из машины!» — переживала она пропажу

Я храню фотографию, где Мastroянин любит нас с ним, молодых, болтающих у вагончика

Саша и Даша сидят у деда буквально на голове!

ми наблюдали некоторые члены группы... Когда я вернулась на родину, меня немедленно вызвали на партбюро и учинили допрос. «Вы почему, Алла Зиновьевна, на ужин не явились? Так-так-так! Малину, говорите, ели! Ну-ну! А позвольте спросить, почему вас в казино видели? Ах, интересно было? Да-а-а. Ну что ж, товарищи, перед нами вопиющий факт полнейшей безответственности». С тех пор я и стала невъездной, пока на одном заседании за меня не вступился Борис Андреев: «Да пусть девочка погуляет по Елисейским полям!»

В Париже мы с Сашей попали в самую гущу русской эмиграции: писатели Марамзин, Максимов, художники Юра Купер, Олег Целков. Как-то едем в гости к художнику Целкову и вдруг замечаем, что за нами следует машина. Олег оглянулся и говорит: «Я эти номера знаю! За вами, ребята, слежка».

— **А как вы познакомились с Олегом Целковым?**

— Это было еще в Москве. Олег уже подал документы на выезд и жил в ожи-

дании, когда его выпустят. Целков страшно нуждался, картины не продавались. Непризнанный на родине гений жил как изгой. Как-то приходим к нему в мастерскую, а он давай нас уговаривать: «Я напишу ваши портреты в рассрочку. Уверю вас, не пожалеете!» У Целкова была удивительная техника — он рисовал по сантиметрам, оплата готовой картины тоже шла по маленьким квадратикам. У него заказали портреты Миша Козаков, Евтушенко, я и многие друзья. Расплачивались несколько месяцев, но действительно не пожалели — Целков, уехав на Запад, стал знаменитым художником.

В Париже мы встретились еще с одним старым московским знакомым — Максимом Шостаковичем, сыном знаменитого композитора. Он только-только приехал из Америки и сразу же пригласил в гости к своей подруге: «Ребята, приходите! Я приготовлю наше любимое блюдо — куропатки в сметане!» В хипповатой квартире почти без мебели на полу была растелена скатерть, в углу, скрестив ноги, сидел угрюмый Эдик Лимонов и страшно

ругал Францию и покинутую им Америку... Куропатки, как всегда, удались...

Естественно, друзья старались нас поддержать, ведь мы с Сашей, как большинство советских граждан в те времена, не могли себе позволить даже чашечки кофе. Помню, собрались к Музе в Грае отдыхать, нас провожал Шостакович. Зашел в купе и сунул Саше в карман тысячу франков. Орлов опешил: «Максим, ты что, с ума сошел!» — «Ничего-ничего, в ресторан сходите».

У друзей мы были нарасхват: то Юра Купер в ресторан приглашает на ужин, то Володя Марамзин звонит: «Жду в ресторанчике на Елисейских полях». Однажды на выставке пасхальных яиц, которую во Франции устраивала Франсуаза, жена художника Коли Двигубского, ко мне подошла ассистентка модельера Терри Мюглер и сказала: «Вы русская и хорошо говорите по-французски. К тому же, как я слышала, актриса. Терри хочет вам предложить озвучить на родном языке его русскую коллекцию в Лувре». Я придумала текст и комментировала голосом, кото-

рым объявляли по радио новые поступления в советских магазинах: «Сегодня в ГУ-Ме идет продажа новых поступлений... Обратите внимание на новые модели фабрики «Большевичка». А по подиуму дефилировали умопомрачительные французенки в норках и соболях от Мюглера.

— **А как в вашей жизни появился Марчелло Мastroяни?**

— Тоже случай! Как-то звоню на «Мосфильм» в ожидании приглашения на эпизод или «гур-гур», а мне на другом конце провода говорят: «Будничка? Завтра вас ждет Витторио де Сика». Я, конечно, знала, что итальянская группа приехала в Москву снимать «Подсолнухи», но что лично де Сика пожелает со мной встретиться, не могла представить даже во сне! К предстоящему свиданию тщательно подготовилась: мини-юбка и капде-фет (накидка в цвет юбочки с прорезями для рук) из журнала «Elle» в маминском исполнении, прическа «бабетта» и узкие лодочки. Синьор Витторио сразу же приступил к разъяснению моего эпизода: «Вы продаете меха, к вам подходит Мastroяни и покупает шкурки для сво-

ей невесты. Вам понятно?» «Да-да!» — послушно киваю головой. И назавтра рано утром подъезжаю к оцепленному милицией ГУМу. Мой знаменитый партнер сидит в собственном вагончике прямо на Красной площади и ждет приглашения на съемку. Меня подвели к Марчелло и, представив, оставили пообщаться. У вагончика мы проболтали по-французски

ми пирожками для всей съемочной группы!» А я всегда была известной мастерицей печь пироги: с луком, яйцами, мясом, и все это под водочку да с солеными огурчиками! На обеде я напомнила Марчелло о нашей встрече на съемках «Подсолнухов». «О, вы совершенно не изменились!» — воскликнул он, глядя на старый снимок. Нас снова сфотографировали, так

Однажды звоню на «Мосфильм» в ожидании приглашения на эпизод, а мне говорят: «Завтра вас ждет Витторио де Сика»

о том о сем с полчаса. На память о том дне у меня сохранилась фотография. Прошло двадцать пять лет, и Никита Михалков начал снимать «Очи черные» с Мastroяни. Однажды Муза, которая работала у Никиты, передала мне его просьбу: «Алка, надо устроить обед в честь Мastroяни с твоими знамениты-

что теперь у меня есть еще одна фотография, где Марчелло любит нас с ним, молодых, болтающих у вагончика.

Съемки московской части «Очей...» закончились, и Марчелло со съемочной группой укатил в Париж. Так совпало, что и я туда засобираюсь. У Музы в ее парижском доме вновь устраивается прием в

Дружеские посиделки «у Василия»: Света Немоляева, Оля Остроумова, Лия Ахеджакова, Валя Гафт и я

Судьба подарила мне друзей,
профессию, дом и замечательную дочь!

шесть группы Михалкова. На столе семга, гусиная печень, прочие французские гастрономические изыски, которые подают официанты в белых перчатках. Марчелло сидит рядом со мной, вдруг наклоняется и расстроено шепчет: «Алла, не понимаю, а где пиццундушки?» Я переспрашиваю: «Какие пиццундушки, Марчелло?» «Ну такие круглые, из теста, а внутри мясо», — он показывает руками размер любимых «пиццундушек». Оказалось, ему так запали в душу мои пирожки, что он умудрился смешать в голове Пицунду, куда его обещали отвезти, фильм «Подсолнухи» и русские пирожки! Кончилось застолье тем, что Никита всех повез в ресторан «Пьед де кошон», где ночью подавались жареные свиные ножки. Естественно, гуляние под ножки продолжалось до утра, и никто из съемочной группы даже не вспомнил, что завтра их ждет работа. Что произошло дальше, рассказала мне ассистент режиссера: «Когда рано утром я подъехала к гостинице, в холле стоял одинокий Марчелло при полном параде: в выглаженном костюме, тщательно причесанный — волосок к волоску. Остальные проспали». Вот что значит дисциплина мировой звезды!

— **А что за история со Светланой Немоляевой?**

— Это тоже его величество Случай! Вначале мы — Света, Оля Остроумова, Лиля и я, — подружившись на «Гараже», устраивали девичники. Эти посиделки, на которые собирались мои подружки и друзья, муж — он всегда звал меня Васей, — окрестил «Ше Василий», что с французского переводится как «У Василия». Как-то я пригласила Свету на годовщину нашей с Сашей свадьбы. «Ну надо же! — удивилась она. — И у нас с Лазаревым 27 марта юбилей!» Через год мы выяснили, что выходили замуж не только в один день, но и в один год. Когда же решили вместе отметить серебряную свадьбу, обнаружился еще ряд удивительных совпадений. «Как жаль, — говорю, — что в нашем загсе хозяйственный магазин устроили, а то можно было бы наведаться». Света как-то странно на меня посмотрела: «Как интересно! И в нашем загсе теперь хозяйственный!..» И тут оказалось, что мы расписывались не только на одной улице и в одном загсе, на Остоженке, но и в одно время, то есть стояли друг за другом в очереди! К тому же обе вышли замуж за Александров Сергеевичей на третьем курсе. С тех пор прошло более сорока лет, но наши пары по-прежнему вместе.

А вот еще одна славная дата: уже 25 лет, как мы дружим с Лией Ахеджаковой,

с Лилечкой, как я ее называю. Даже спрашиваю: «Сколько хотите за эти кофточки?» «Да не знаю я», — отвечаю. «Что значит «не знаю!» — сердится приемщица. — Каждый день сюда ходите и не знаете!» «Я к вам пришла в первый раз!» — краснею от стыда. Она открывает паспорт и, прочитав фамилию Будницкая, причитает: «Ой, вы артистка! А я думаю, где я вас видела?» Тут же извинилась, больше я туда не ходила.

— **Вы и актриса, и хозяйкой ресторана были, а главная ваша профессия, получается, умение дружить?**

— **Вы не ссоритесь со своей соседкой?**

— Знаете, нет. Дружно живем вчетвером в одном доме. Иногда встречаемся утром на общей веранде и пьем кофе. Замечательно! Этот дом нам достался большой кровью: когда мы только начали строительство, денег не было совсем, за-

Марчелло сидит рядом со мной, вдруг наклоняется и расстроено шепчет: «Алла, не понимаю, а где пиццундушки?»

то было огромное желание жить среди сосен и просыпаться под пение птиц. Поскольку мало кто верил, что у нас что-то получится, нам с Лилей пришлось взвалить строительство на свои плечи. Даже мой муж смеялся: «Идиотки! Строите дом на болоте!» Мы зарабатывали где только можно. Я вязала и пересылала кофты подругам: мои вещи продавались в бутиках Нью-Йорка и Парижа. Расплачивалась с работягами деньгами, вырученными за проданные кофточки. Нужен для фундамента кирпич — едем с Лилей в ЖБИ и выступаем за... кирпич. Все дороги вокруг Внукова мы исколесили в поисках дешевого шифера и балок.

Наш с Лилей дом — это моя норковая шуба в фундаменте, земля оплачена вязанием кофточек, чтобы купить лес, несли в комиссионку пальто, украшения и духи. Строили дом пять лет, на зиму работы замораживали, а летом, подкопив денег, снова рыскали в поисках бетонных блоков. Как-то в комиссионке на Новом Арбате со мной произошла неприятная история. Прихожу с вещами, а продавщица

дает еще и почетная миссия крестить детей друзей. Я крестная мама моей Даши, Нади Туринцевой, дочки Музы, Маши Затевахиной, а недавно крестила Капошу, внучку Эдуарда и Изольды Артемьевых.

Конечно, не бывает так, чтобы в жизни все складывалось безоблачно. Самое страшное, когда предают друзья, но я прощала не один раз, о чем совершенно не жалею. Оказывается, я умею прощать... Мудрость ведь приходит с годами. Как говорил Оскар Уайльд: «Хорошие советы я даю другим, больше мне с ними делать нечего». На этот случай у меня есть совет, который я часто даю телезрительницам в передаче «Из жизни женщины», в которой как ведущая работаю уже пятый год: «Не надо горячиться!»

Вот и построили мы с подружкой дом, в котором живем. И, слава Богу, не тужим! Дом, как всегда, полон гостей, детей, внуков, собак, кошек, и, надо сказать, мы с Лилей не делим их на своих и не своих. Все общее, только мужья у нас у каждой свой... Собственный.

Беседовала Ирина Зайчик